

Въ новое время установилось мнѣніе, что въ Толстомъ не было рѣзкихъ перемѣнъ, и что проповѣдникъ и моралистъ въ лицѣ Толстого обнаруживается уже съ первыхъ его литературныхъ выступленій. Но самъ Толстой былъ другого мнѣнія. Въ послѣднемъ письмѣ къ женѣ онъ писалъ: „Я хорошо знаю, какъ я измѣнился“, и мы должны повѣрить Толстому. Онъ дѣйствительно измѣнился, постепенно измѣнялся, и все въ смыслѣ расширенія интересовъ жизни, углубленія ихъ и очищенія въ горнилѣ совѣсти. Съ теченіемъ лѣтъ чувство и сознаніе любви все болѣе и болѣе росли въ Толстомъ; они облеклись въ форму педагогической дѣятельности; они вылились въ художественной формѣ; они поднялись въ трудно доступную высь религіознаго ученія; они выливались на практикѣ въ помощи голодающимъ, въ защитѣ духоборовъ, въ видѣ дружескихъ бесѣдъ, писемъ, воззваній и обращеній во имя состраданія и любви. Толстой все измѣнялся, все росъ; вмѣсто стараго трепетнаго сердца въ его груди все болѣе пылалъ источникъ новой лучшей жизни; единымъ лозунгомъ его стала любовь, а съ такимъ лозунгомъ, такому большому кораблю какъ Левъ Толстой предстоить великое историческое плаваніе. И уже теперь далеко опередившій насъ Западный культурный міръ ставитъ ему въ городахъ памятники и называетъ его именемъ главныя улицы. Пусть, молъ, люди ходятъ по нимъ съ памятью о нестарѣющей совѣсти, съ сознаніемъ нравственнаго долга, въ примѣрѣ великаго русскаго писателя, чуткая дѣятельная совѣсть котораго требовала безконечнаго улучшенія.
